

Расстояние между мной и черешневым деревом

Автор:

Паола Перетти

Расстояние между мной и черешневым деревом

Паола Перетти

Мафальде девять лет, она носит очки с толстыми желтыми стеклами, знает наизусть «Барона на дереве» Итало Кальвино и обожает своего кота. У нее редкое заболевание сетчатки, и скоро ей грозит полная слепота. Ей страшно оказаться в темноте, поэтому она ведет дневник, где записывает, что именно больше не сможет делать, например считать звезды, играть в футбол с мальчишками или забираться на черешню в школьном дворе. Она обожает это дерево, которое стало ее единственным убежищем, и издали приветствует его как лучшего друга. Но вот беда, с каждым днем между точкой, где Мафальда начинает различать контуры дерева, и самой черешней остается все меньше шагов, а значит, тьма уже совсем близко.

Впервые на русском!

Паола Перетти

Расстояние между мной и черешневым деревом

Paola Peretti

LA DISTANZA TRA ME E IL CILIEGIO

Copyright © Paola Peretti 2018

Originally published in Italian as *La Distanza tra Me e il Ciliegio* by Rizzoli Libri, Milan

First published in English as *The Distance Between Me and the Cherry Tree* by Hot Key Books, an imprint of Bonnier Za?re Limited, London

Published in Russian by arrangement with The Van Lear Agency and Bonnier Za?re Limited

All rights reserved

© Т. А. Быстрова, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление

* * *

Анне и Марио – невероятным рассказчикам, читателям, кулинарам, водителям, стилистам, дизайнерам, психологам, учителям, комикам, друзьям. Бабушке и дедушке. Родителям. Вы столько сделали, и сделали на все сто. Прошу, расскажите об этом детям, живущим внутри вас.

Семьдесят метров

1. Темнота

Все дети боятся темноты. Темнота – это комната, где нет ни окон, ни дверей, где живут чудовища, готовые схватить тебя и сожрать. Я же боюсь другой темноты – той, что кроется в моих глазах.

И я не выдумываю. Если бы я выдумывала, то мама не покупала бы мне песочные персики с ликером и кремом и не разрешала бы есть их до ужина.

Если бы все было как всегда, папа бы не запирался в туалете, как бывает, когда ему звонит хозяйка квартиры; а если она позвонила – значит жди плохих новостей.

– Не надо, я сама, – говорит мама и встает у раковины мыть посуду. – Иди поиграй в своей комнате и ни о чем не думай.

Я какое-то время стою у двери в кухню и надеюсь, что она повернется ко мне. Мысленно я прошу ее посмотреть на меня, но проверенный прием не работает. Тогда я иду к себе в комнату и обнимаю Оттимо Туркарета, моего любимого коричневого кота с рыжими пятнами и с узелком на кончике хвоста. Он не сопротивляется, когда с ним возятся на ковре или гоняются за ним со щеткой.

«Ведь он кот, – говорит папа, – а все коты – манипуляторы». Наверное, это значит, что Оттимо Туркарет любит внимание. Мне же важно, чтобы он был рядом, когда мне плохо и хочется прижать к себе что-то теплое и мягкое. Вот как сейчас.

Я чувствую: что-то не так. И хотя я только в четвертом классе, я уже все понимаю. Девушка моего двоюродного брата говорит, что у меня есть третий глаз. Она индианка, и у нее нарисована точка на лбу. Мне приятно, что она так думает, но, вообще-то, мне бы хватило и двух глаз, лишь бы они хорошо видели.

Иногда, как вот сейчас, мне хочется плакать. Когда на глаза наворачиваются слезы, у меня запотевают очки. Я снимаю очки: без них хотя бы пятно на носу немного пройдет, а стекла пока высохнут. Очки у меня с первого класса. Желтые со стразами мне купили в декабре прошлого года, они мне нравятся. Я надеваю

их перед зеркалом. Без очков для меня все как в тумане, как в д?ше, когда ничего не видно из-за пара. Но этот туман называется «Штаргардт» – так его, по крайней мере, называют мои родители, которым все объяснили в больнице. У папы в телефоне написано, что Штаргардт – это немецкий врач, который жил сто лет назад. Он открыл то, что сейчас происходит с моими глазами. Еще он понял, что те, у кого перед глазами туман, видят потом черные пятна вместо людей и вещей; эти пятна становятся с каждым днем все больше и больше, и человек, который видит пятна, должен подходить все ближе к предмету, чтобы его разглядеть.

В Интернете пишут, что эта болезнь поражает примерно одного человека из десяти тысяч. Мама верит, что этих людей выбрал Господь и что эти люди особенные, но я совсем не хочу входить в число избранных. Не думаю, что мне так уж повезло.

2. То, что для меня важнее всего (и чего я больше не смогу делать в темноте)

Сейчас я вижу себя в зеркале с трех шагов. Но расстояние сокращается. В прошлом году шагов было пять. Я сижу перед зеркалом, глажу Оттимо Туркарета по голове и причесываюсь сама. В последнее время маме нравится делать мне косички, и она недовольна, когда я стаскиваю резинки. Косички ей так нравятся, что она оставляет их даже на ночь. Папа заглядывает в мою комнату и говорит, что пора чистить зубы и надевать пижаму. Я киваю, но все равно надолго зависаю у окна, прежде чем отправиться в ванную. Из моего окна виден большой кусок темного неба. Мне нравится сидеть и смотреть на него осенними вечерами, такими, как сегодня, когда еще не холодно и видны Луна и блестящая Полярная звезда. Мама говорит, что Луна – это фонарь Христа, а Полярная звезда – огонек его спички. Но мне важно просто убедиться, что обе на своих местах, что все как всегда.

Перед сном папа читает мне сказку. Сейчас мы уже на середине «Робин Гуда», теперь мне часто снится лес и стрельба из лука. Потом заходит мама, поправляет подушку и желает мне спокойной ночи. От нее пахнет мятными

леденцами. Но сегодня папа и мама вместе уселись на край моей кровати: папа – с одной стороны, а мама – с другой. Они сказали, что я стала видеть немного хуже и поэтому они решили, что на следующей неделе мы пойдем на специальную консультацию. Мне не нравится пропускать школу, а то потом я не знаю, за сколько лет, например, построили египетские пирамиды и правда ли, что Кьяра и Джанлука из четвертого «Б» снова вместе. Но родителям я ничего не говорю. Жду, когда они погасят свет и закроют дверь, а потом включаю лампу на тумбочке и провожу пальцем по корешкам книг, которые стоят на полке у меня над кроватью. В углу полки спрятана тетрадь с загнутыми листами. Я беру ее и кладу на подушку. На обложке тетради я написала: «СПИСОК МАФАЛЬДЫ».

Это моя секретная тетрадка. На первой странице дата:

14 сентября

Прошло три года и одиннадцать дней. Ниже сам список:

То, что для меня важнее всего

(и чего я уже не смогу делать в темноте).

Список пока небольшой – каких-то три страницы. На первой записано:

Считать звезды.

Светить из окна фонариком, желая спокойной ночи.

Ну вот. Очки снова запотели.

Бабушка жила в доме напротив. Теперь там живет противная парочка; ни он, ни она никогда со мной не здороваются. И еще они поменяли занавески. У бабушки висели кружевные, красивые.

У бабушки были такие же кудрявые волосы, как у папы и у меня, только совсем белые. Перед тем как лечь спать, она всегда светила мне фонариком. Мигнуть один раз значило «выгляни в окно», два – «доброй ночи», три – «и тебе». Но это было давно, когда я еще могла видеть себя в зеркале с девяти шагов.

Вторую страницу я никому не показываю, даже Оттимо Туркарету, потому что она очень, очень секретная. На третьей странице написано:

Играть с мальчиками в футбол.

Ходить по бордюру и думать, что если упадешь – утонешь в лаве и тебя съедят крокодилы.

Попадать бумажными шариками в урну.

Залезать на черешню в школьном дворе.

Я лазила на эту черешню раз сто, еще в начальной школе. Это моя черешня. Никто из школы не может забраться выше меня. В детстве я обнимала ее ствол и гладила кору. Черешня – мой друг. На ней я нашла своего Оттимо Туркарета. Он был такой же серо-рыжий, как сейчас, но испуганный и ужасно грязный. Такой маленький, что поместился в карман моего фартука, и только когда я вытащила его из кармана и опустила на стол, родители поняли, что я принесла котенка. Тогда его еще не звали Оттимо Туркарет, у него вообще не было имени, но скоро он привык к нам и стал ходить за мной по пятам, даже в школу провожает каждый день.

Однажды папа подарил мне свою любимую книжку – «Барон на дереве» – и мы стали ее читать. Так я познакомилась с Козимо, мальчиком немного старше меня, который жил в те времена, когда все носили парики. Его заставляли

делать скучнейшие упражнения и есть жутко невкусную еду. Я познакомилась с таксой, у которой было два имени, и тогда мы решили: наш котенок – прямо вылитый Оттимо Туркарет. Правда, у него всего одна хозяйка, то есть я. А таксу из книжки про Козимо звали то Оттимо Массимо, то Туркарет, в зависимости от того, с кем он был – с Козимо или с Виолой.

Мне очень нравится Козимо. Особенно то, что он решил жить на дереве и больше с него не слезать – только так он мог быть свободным. Но я не такая храбрая. Однажды я попробовала построить домик из туалетной бумаги в ветвях черешни, но пошел дождь, и бумага размокла. Мне ужасно нравилось залезать наверх с журналом и читать комиксы, усевшись прямо на ветке. Тогда я еще хорошо видела.

С первого класса я каждый год хожу к врачу, и мне проверяют зрение и капают капли. От них сильно щиплет глаза. Доктора называют это «стандартной процедурой». Так что «особенные процедуры», про которые говорила мама, наверное, не такие. Огонек, который живет в моих глазах, скоро погаснет. Он гаснет все быстрее и быстрее. Врач-окулист, к которой мы с мамой ходили, все мне рассказала. Она не делала никаких открытий и никогда не была в Германии, зато у нее всегда есть для меня красивый карандаш с цветным ластиком. Она рассказала, что обычно огонек гаснет, когда человек стареет, но с некоторыми это случается раньше. Мой огонек погаснет очень скоро, я даже не успею вырасти.

И я останусь в полной темноте. Так она сказала.

Но мне не хочется об этом думать – я хочу, чтобы мне приснились дремучие леса и стрелы, как у Робин Гуда.

Я закрываю тетрадку и выключаю свет.

Козимо, ты мне поможешь?

Ты же все можешь, и ты такой добрый! Ты читал книжки разбойнику, хотя он много чего натворил; ты читал ему, пока тот сидел за решеткой и пока его не казнили. А как же я? Кто будет читать мне? Кто будет читать мне сказки, когда мой огонек погаснет, а мама и папа уйдут на работу?

Ты ведь любишь деревья так же, как я, и, если ты мне не поможешь, я больше не буду с тобой разговаривать. Даже думать о тебе не буду. Ты должен мне помочь – пожалуйста, придумай что-нибудь! Можешь даже не говорить мне что. А то я представлю, что ветки твоего дерева сломались и ты упал в лаву, полную крокодилов. Или на землю (что даже хуже: ведь ты решил, что больше никогда не спустишься с дерева).

Эстелла говорит, что мы сами должны справляться с трудностями, что для этого помощники не нужны. Но для меня все наоборот. Козимо, обещай, что ты мне поможешь!

3. Играть в амазонку

Мысль о списке мне подсказала Эстелла три года и одиннадцать месяцев назад. Тогда она как раз приехала из Румынии и стала работать в нашей школе. Работа охранницы заключается в том, чтобы стоять и следить за тем, кто приходит и выходит из школы.

Я сидела на черешне, когда прозвенел звонок, и я поняла, что не могу спуститься.

– Ты умеешь спуститься?

Я прищурилась и посмотрела вниз, отведя в сторону ветку, усыпанную желтыми листьями. Рядом с деревом, скрестив руки на груди, стояла женщина, которую я еще не встречала в нашей школе. Высокая, с темными волосами, и, хотя я не могла разглядеть цвет ее глаз, они показались мне огромными и черными-пречерными, так что я даже немного испугалась.

– Тогда я помогать. Потом ты идти в класс.

Она говорила с сильным акцентом. Я замерла на дереве и не шевелилась. Я очень боялась упасть.

– Поставь ногу туда, – сказала женщина со страшными глазами и показала на изгиб ствола прямо подо мной. Я крепко вцепилась в ветку, на которой сидела, попробовала вытянуть ногу, но поскользнулась, и кора под моей ногой отлетела от ствола и упала вниз. Я тут же вновь вцепилась в свою ветку, вернувшись туда, где сидела.

– Я не буду слезать.

– Значит, будешь сидеть там навсегда?

– Да.

– Ну тогда пока.

Женщина отвернулась и сделала шаг в сторону школы. Послышался хруст, она наклонилась и подняла с земли испачканные очки.

– Что это? Твои?

– Мои. Они упали, когда я лезла на дерево. Теперь я точно не смогу слезть.

– Не плачь. Не стоит.

Женщина с черными глазами вернулась к моему дереву.

– Знаешь, я тоже в Румынии часто лезть на дерево. Мне нравилось играть наверху.

Я шмыгнула носом и спросила, в какие игры она играла.

– Я играла в... эту... как они... амазонку. Знаешь, кто такой амазонка?

– Нет. Кто?

– Это воительница на коне, как мужчина. Она не боится слезать с дерева.

– Но у нее нет очков.

– Нет. Она очень сильная. И ничего не боится. Чтобы нести копье, амазонки отрезать себе кусочек груди.

– Половину груди?

– Да. Бабушка моей бабушки была из семьи амазонок, это было давным-давно.

– Неправда!

– Правда.

Женщина с пугающими черными глазами быстро закатала рукава и полезла на дерево. Я как можно крепче ухватилась за ветку. Добравшись до меня, женщина уселась на соседней ветви, как на лошади.

– Видала? Я – амазонка.

– Но как же мы теперь слезем?

Женщина достала из кармана рубашки очки и протянула мне. Я сразу же их надела. Оправа треснула, и стекла были испачканы грязью, но все равно с ними я видела гораздо лучше.

– Теперь давай за мной, – сказала большеглазая женщина.

Тут я заметила, что она красит губы очень яркой помадой розового цвета.

Женщина стала спускаться вниз, так же быстро, как и залезла наверх.

– Подожди.

– Чего?

– Я не хочу слезать.

– Это еще почему? Бог ты мой! Давай вниз: мне пора работать!

Конечно, мне было жаль, что она потеряла из-за меня столько времени. И даже дала мне очки, но я все равно не хотела слезать.

Как раз вчера доктор Ольга сказала мне, что мой огонек скоро погаснет, и я испугалась. Мне захотелось остаться на дереве: там бы со мной ничего не случилось. Я рассказала об этом женщине. Я рассказала ей и о том, что плохо вижу и скоро не буду видеть совсем ничего. И что скоро уже не смогу залезть на дерево. У нее были огромные глаза, обведенные черным карандашом.

– Если ты скоро не сможешь делать то, что тебе нравится, тогда записывай. Так ты ничего не пропустишь.

– Записывать?

– Конечно. Составь список. У меня тоже быть такой много лет назад.

– Ты тоже плохо видишь?

– Нет.

– А почему ты его писала?

Женщина усмехнулась и принялась спускаться.

– Тогда у меня быть даже меньше проблем, чем теперь. Да какая разница?

Я медленно полезла за ней, сползая со своей ветки. Конечно, то, что она сказала, было неприятно, но во мне проснулось любопытство.

– А что ты написала в твоём списке?

– Слезай, я тебе показать. Как тебя зовут?

– Мафальда. А тебя?

– Эстелла.

Эстелла уже добралась до нижней ветки и обернулась ко мне. Я тоже добралась до нижней ветки и прыгнула вниз. Эстелла подхватила меня на лету и поставила на землю. Потом она направилась к главному входу, но сначала сделала мне знак идти за ней.

– Эстелла не врет. Только правду говорит. Пойдем, посмотришь список Эстеллы.

Теперь мы видимся в школе каждый день. Я прихожу без десяти восемь, Эстелла ждет меня у двери и издает секретный свист. Секретный он не потому, что его никто не слышит, – как раз наоборот, она свистит так громко, что в ушах звенит. Только она так умеет свистеть, засунув два пальца в рот. Я слышу ее свист издалека и иду на звук. Но сначала подхожу поздороваться с черешней.

Когда мы с папой утром идем по дороге, я замечаю черешню издалека (если так можно сказать). На самом деле я вижу только зеленое облако, но я знаю, что это мое дерево, точнее, его листья. Я представляю, что черешня – это огромный и добрый великан, а листья – его волосы.

Бабушка говорила, что в стволе дерева всегда живет великан, он и есть дух дерева; а когда дерево спилят – он перемещается в новый росток. У бабушки в саду тоже есть черешня. Когда я была совсем маленькой, я забиралась на нее и помогала бабушке собирать спелые ягоды. Тогда мне даже не нужны были очки.

Из бабушкиной черешни мы пекли торты и делали варенье, которое ели зимой. Потом бабушкину черешню пришлось спилить, потому что на ней завелась тля, хотя, мне кажется, достаточно было оборвать листья.

Когда у детей в школе заводятся вши, нас ведь просто стригут, а не головы рубят. Когда спилили черешню, я подумала, что великан из ее ствола переселился в ту черешню, что растет на школьном дворе, а заодно взял с собой

и дух моей бабушки. Было бы интересно посчитать, сколько шагов до черешни от места, где мне ее уже видно. Так я смогу узнать, как далеко от меня бабушкин великан.

Я изо всех сил прищуриваюсь и наконец различаю розово-желтое пятно, похожее на шевелюру клоуна. Оно сильно размыто, но все же различимо. А рядом с ним здание школы – облако голубого цвета. Я начинаю считать: раз, два, три...

– Давай, Мафальда, шагай, а то опоздаем, – тянет меня за руку папа.

– Папа, а у меня длинный шаг?

– Даже не знаю... наверное, сантиметров пятьдесят. Для своего возраста ты высокая девочка.

Я продолжаю считать. Двадцать девять... Тридцать... На этом месте я слышу свист Эстеллы. Тридцать пять, тридцать шесть... Сорок, пятьдесят, сто... Мы подходим к школьным воротам. Эстелла встречает нас, здоровается с папой и уводит меня. Я поднимаю листик. Он влажный, с одной стороны желтый, с другой – коричневый. У него просто идеальная форма, и от него пахнет землей. Так пахло у бабушки в саду. Кладу его в карман.

Сегодня я увидела черешню со ста сорока шагов.

Это семьдесят метров.

Шестьдесят метров

4. Желтое пятно

Вторая страница моего списка самая важная, и, поскольку она такая сверхсекретная, я поместила ее между двумя другими. Так что если кто-то украдет мою тетрадь и прочтет первую страницу, то подумает, что и дальше все идет в таком же духе.

Хотя, по правде говоря, первая и третья страница для меня тоже важные, но не такие, как вторая, где я написала то, чего никогда никому не скажу. Я специально придумала, как ее спрятать; Шерлокхолмс тоже прибегает к подобным хитростям.

Мне уже скоро идти к доктору Ольге. Я жду, пока мама накружится, и делаю вид, что просто глажу Оттимо Туркарета. А на самом деле я тайком читаю вторую страницу списка.

Эстелла сказала, что не стоит этого делать: ведь то, что я пишу в тетради, я или отпускаю, или несу с собой всю жизнь. Я не очень поняла, что она имела в виду. Для себя я решила: хочу – буду читать, причем до тех пор, пока не пойму, что она хотела сказать.

Я слышу стук маминых каблуков. Она всегда надевает туфли на каблуках, когда мы идем к врачу. Я закрываю тетрадь и прячу ее под мягкое сиденье стула.

– Ты готова? Пошли!

Подумаю о том, что имела в виду Эстелла, в следующий раз. Она так много говорит, что иногда мне кажется: я скорее останусь в полной темноте, чем разберусь в том, что она хочет сказать.

У доктора Ольги зеленые глаза. Так мне кажется. Она садится на стол и протягивает мне карандаш с цветным ластиком в форме динозавра.

– А у вас нет ластика с каким-нибудь египетским богом? – спрашиваю я.

Мама, которая сидит рядом со мной, толкает меня локтем. Папа тоже приехал; поверх рабочей формы он надел красивый пиджак. У него сейчас перерыв на обед, но вместо обеда он побежал в больницу, потому что сегодня пришли результаты моих анализов.

Доктор Ольга говорит, что попробует найти карандаши с египетскими богами: вдруг кто-то из детей попросит такие же. Потом она становится очень серьезной.

– Ситуация очень непростая. Сетчатка Мафальды за последние месяцы стала намного тоньше, процесс идет очень быстро и почти достиг критической отметки. Желтое пятно...

– Это такое место в центре глаза, – вмешиваюсь я, чтобы родители лучше поняли, о чем речь. Мы недавно проходили строение глаза.

– Да-да. Как показало исследование, желтое пятно уже сильно истощено.

Я не очень понимаю, что она говорит. Думаю, что я могла бы вести себя лучше, пока меня обследовали. Я все время вертелась, а во время проверки на красные точки даже заснула.

Я открываю рот, чтобы рассказать, как все было, но доктор продолжает говорить с моими родителями. Она говорит так тихо, что мне приходится вытянуть шею и буквально смотреть ей в рот, чтобы расслышать хоть слово.

– Болезнь развивается слишком быстро, и это не оставляет нам шансов. В лучшем случае...

– Сколько осталось? – тихо-тихо спрашивает папа.

– В лучшем случае полгода.

Мама и папа оседают на стульях, словно проколотые шарики. Я же вытягиваюсь в направлении доктора и спрашиваю: «Месяцев шесть до чего?»

Она смотрит на меня сквозь тонкие линзы очков.

– Месяцев шесть до того, как ты перестанешь видеть, Мафальда.

– Значит, я правда останусь в темноте?

Доктор долго молчит.

– Мне очень жаль, – отвечает она наконец.

Стекла моих очков опять запотели. Некоторые новости лучше узнавать, когда рядом кот, которого можно обнять.

5. Дружить с лучшей подругой

Мы возвращаемся домой, и я вцепляюсь в Оттимо Туркарета, устраиваюсь на нем, как на подушке. Я научилась дремать и видеть сны, и для этого мне нужен кот. В прошлом году Андреа, мой двоюродный брат, познакомился с Равиной, и она научила меня медитировать, то есть как бы дремать и видеть приятные сны, даже если тебе грустно, если злишься или не хочешь спать.

Нужно сидеть тихо-тихо и представлять себя внутри своего тела. Сначала это не слишком приятно, но постепенно привыкаешь и уже потом, вместо того чтобы думать о крови, которая пульсирует в венах и голове, учишься вообще ни о чем не думать. Так, по крайней мере, было со мной.

Звуки, заполняющие дом, становятся неразличимыми и касаются моего лица, точно нежные волны или звон далекого колокола. В конце концов я засыпаю. И тогда мне снятся сны. Недавно мне приснился прекрасный сон: я забираюсь на черешню в школьном дворе высоко-высоко, почти до самой верхушки. И оттуда мне видна вся Италия и даже весь мир. Тогда я распахиваю руки, как крылья, и лечу, лечу. Я лечу над крышей школы, все выше и выше. И улетаю прочь. До самой Луны, до Полярной звезды, и мне видно другие звезды тоже, а потом мы с

бабушкой играем в футбол, и она стоит на воротах.

Сейчас ко мне пришла Кьяра – поиграть, но не в футбол. Кьяру позвала мама, хотя лично я предпочла бы побыть одна.

Я потихоньку учусь читать книжки для слепых с такими выпуклыми точечками. Эстелла подарила мне милую, но довольно странную книгу. Называется «Маленький принц». Она заказала ее на «Амазоне».

С Кьярой мы дружны еще с детского сада, так что я не могу сейчас делать вид, что ее нет. На самом деле она уже давно к нам не приходила и давно не приглашала меня к себе. Последний раз мы виделись в июне, в ее день рождения, а потом мы обе уехали на каникулы. Приходится отложить мои занятия. Однако Кьяра замечает, что я кое-что спрятала, и спрашивает, чем я занималась. «Ничем», – отвечаю я.

Не знаю почему, но мне не хочется, чтобы она видела, как я учу алфавит для слепых. Мне неловко. Я предлагаю пойти в мою комнату и поиграть в ресторан, потому что Кьяре нравится готовить, и она всегда смотрит кулинарные шоу. Мы накрываем на стол, раскладываем пластмассовые тарелки и приборы. Я не могу найти пластиковые стаканчики, так что мы берем обычные и наливаем в них настоящую воду. Кьяра играет за повара и за официанта, а я изображаю клиента. Я притворяюсь, что внимательно разглядываю меню и выбираю самые экзотические блюда. Кьяра смеется и записывает их на ладони, коверкая каждое слово. За кухню у нас шкаф. Кьяра распахивает дверцы и кричит повару заказ, а потом залезает внутрь – то есть отправляется готовить.

Я тоже люблю играть в ресторан, но не как она, поэтому после трех заказов я предлагаю поиграть в семейную пару, которая пришла в кафе. Для разнообразия. Мы прощаемся с Оттимо Туркаретом, который изображает няню нашей дочки (за нее у нас моя кукла Мэгги), и садимся за столик.

Тут нам обеим приходит в голову (у близких подруг так бывает) добавить в наши коктейли новые страшные ингредиенты, и мы начинаем носиться по всему дому, разыскивая какую-нибудь гадость, чтобы бросить в стакан. Соль, перец, землю из цветочного горшка, немного папиной туалетной воды и еще клей, похожий на слизь червяка.

Мы перемешиваем все вилкой и возвращаемся к столу.

– А теперь тост, – говорит Кьяра.

Она поднимает стакан с желтоватой жидкостью и делает вид, что пьет. Я протягиваю руку, чтобы взять свой, который, как мне кажется, стоит прямо передо мной, справа. Но тут в глазах у меня темнеет, и вместо того, чтобы взять стакан, я его толкаю и опрокидываю на Кьяру, которая принимается орать как резаная, потому что наша дьявольская смесь попала на ее новые легинсы.

Я ничего не вижу, только искры сверкают в темноте, и я слышу, как падает и разбивается стакан у моих ног. Мама вбегает и спрашивает, что случилось.

Кьяра кричит, что хочет домой, хотя нет еще и четырех. Я слышу, как она разговаривает со своей мамой в коридоре. Постепенно черное пятно в моих глазах исчезает, но Кьяра уже стоит в дверях, а ее мама вертит в руке ключи от машины.

– Увидимся завтра в школе, – говорю я, выглядывая в коридор.

– Пока, – бросает она и уходит.

Мама закрывает дверь и подходит ко мне с мокрой тряпкой в руке.

– Будешь хлеб с «Нутеллой»?

Бабушка бы сделала с вареньем.

Я возвращаюсь в свою комнату и снова принимаюсь за чтение «Маленького принца». Точнее, делаю вид, что читаю. Мама уходит на кухню, и тогда я медленно-медленно достаю свою тетрадку. Я открываю ее на секретной странице и зачеркиваю черной ручкой один пункт: Дружить с лучшей подругой.

6. Он тоже

Мне очень нравится Маленький принц, но еще больше мне нравится Козимо, мальчик-барон, который поселился на дереве, потому что обиделся на свою семью. Папа тоже очень любит эту книжку; ему подарила ее бабушка, когда он еще учился в школе. Она говорила, что знала лично автора книжки, что он был ее другом и она даже была влюблена в него. Я этого совсем не понимаю. По-моему, можно или быть друзьями, или любить кого-то, но и то и другое вместе – невозможно. По-моему, или дружишь, или любишь, но нельзя делать и то и другое. Если есть два разных слова, они не могут означать одно и то же. Бабушка рассказывала, что друзья часто читают вместе. Вот Козимо тоже читал разбойнику, и я уверена, что мы с Козимо прочитали бы много книг, если бы были знакомы.

Сегодня второе ноября, и потому никто не идет в школу. Мы с папой и мамой и другими родственниками, которых я не знаю, пойдем к бабушке на кладбище, потому что второго ноября в Италии поминают умерших.

Мне нравилось на кладбище. За воротами все выложено черно-белыми плитками, так что я прыгаю по ним и представляю, что играю в шахматы. Но в прошлом году я случайно врезалась в какую-то женщину, и мне сказали, чтобы я больше не прыгала. Поэтому теперь, когда мы ходим на кладбище, мне там ужасно скучно. На могиле у бабушки некрасивая плита, на которой изображен ангел с глуповатым выражением лица. Бабушка никогда не верила в то, что ангелы существуют, хоть и называла меня «мой ангелочек».

Сегодня на площадке у кладбища мальчишки играют в футбол. Среди них несколько моих одноклассников. И еще один мальчик из старшего класса, который вечно ко всем пристаёт и часто дерется. Я узнаю его по голубой куртке с надписью «Филиппо» на спине. Такая в школе только у него. Интересно, где он ее взял.

Я вижу, что у ограды сидит Кьяра. Тогда я спрашиваю маму, можно ли мне посидеть с ней, пока они с папой поздороваются со всеми родственниками.

– Хорошо, только далеко не уходи, – отвечает мама.

Она почти всегда так говорит. Но тут некуда уйти.

Я подхожу к Кьяре, которая болтает с девочкой из четвертого класса. «Привет», – кивают они и продолжают болтать. Ну и пусть. Смотреть на футбол даже интересней.

Во втором классе я тоже ходила на футбол целый год. Я была вратарем. А потом мама забрала меня из секции, потому что мне разбили очки. Но я бы очень хотела поиграть, только бы она не узнала.

Ребята делятся на команды. Я не могу их сосчитать, но слышу, как Марко, мой одноклассник, кричит, что ему пора домой. Его родители уже ждут его у машины.

Я хорошо слышу, даже когда разговаривают очень тихо. Если едет машина «скорой помощи», то сирену я слышу издали. Не важно, дома я, в школе или еще где.

Доктор Ольга говорит, что у меня такой хороший слух потому, что я плохо вижу. Но мне все равно грустно. Вряд ли это можно считать везением.

Если Марко уходит, я могу сыграть вместо него. Я подхожу к ребятам и спрашиваю, можно ли мне с ними. Филиппо смотрит на меня поверх очков. Он тоже носит очки, но раньше я их совсем не замечала, потому что у них почти незаметная оправа.

– Не получится. Ты же девочка. Ты не умеешь играть.

– Неправда. Я целый год стояла на воротах: спроси у него. – И я показываю на Кевина, моего одноклассника. Все смотрят на него.

– Да, она была в нашей команде. Но я не знаю...

Думаю, он боится, что из-за меня команда проиграет.

– Я и прыгать за мячом умею, – говорю я, – поставь меня на ворота!

На лице Филиппо видно сомнение.

Остальные ребята молчат, только один повторяет, что девчонкам не место на поле.

– Не хочешь играть – отправляйся домой, – бросает ему Филиппо и толкает его. Мой противник возмущается, но остается.

Пока все решают, что делать, я встаю на ворота – длиной примерно с машину, а вместо штанг две брошенные на землю куртки.

Наконец ребята разбились на команды, и парень Кьяры (бывший?) вытащил из кармана свисток. Игра начинается.

Как оказалось, наша команда сильнее: игроки все время давят на соперника и изо всех сил стараются забить. Вдруг один из соперников отнимает мяч и бежит на меня. Вокруг кричат. На всякий случай я немного выхожу из ворот.

Последовал слабый удар, но я чуть было не пропустила мяч, потому что увидела его в последнюю секунду. Если бы он залетел в ворота, мне бы досталось. Но я успела его отбить и сразу выбила в поле.

Филиппо играет нечестно. Он пинает и пихает соперников и никогда не дает пас. Когда он проносится по полю, остальные игроки падают как подкошенные или кричат: «Фол! Нарушение!»

Вдруг один из игроков нашей команды атакует его, и через минуту я понимаю, что Кевин забил, потому что наши кричат и бегают по полю, натянув футболки на головы, как настоящие футболисты. Я тоже натягиваю на голову футболку, и очки в ней запутываются.

Игра продолжается, и я не успеваю поправить очки, как Филиппо уже оказывается у наших ворот. Защитников рядом нет – я одна. Очки запотели – я не плачу, просто очень жарко. Я совсем ничего не вижу и не понимаю, что происходит, но готовлюсь защищать ворота. На секунду я вижу силуэт бегущего Филиппо, который наносит удар. Мяч попадает мне в левое плечо, отскакивает и продолжает прыгать рядом со мной. Стараясь не думать о боли, я пытаюсь

схватить мяч, но вижу лишь белое пятно между собой и воротами. Я касаюсь его и слышу радостные крики: «Автогол!» Соперники празднуют, как и мы недавно, натянув футболку на голову. Наши кричат на меня, но я не увидела мяча. Наверное, мне лучше больше не играть.

Я подбираю куртку, брошенную у ворот, и пытаюсь вспомнить, где наша машина. Никто меня не останавливает. Я даже с Кьярой не прощаюсь. Голос Филиппо за моей спиной предлагает кому-то встать на ворота и продолжить игру.

Козимо, почему ты мне не помогаешь? Ты же играл с другими детьми, пусть они и были воришками. Ты смотрел с дерева, не надо ли кому помочь.

Вот видишь, у всех есть друзья, а у меня только Оттимо Туркарет, который даже не умеет говорить, и в футбол с ним не поиграешь. Ты просто обязан мне помочь: ведь у тебя целая банда друзей, и еще Виола, и даже родной брат, а у меня совсем никого. Если ты мне не поможешь, я силой мысли сделаю так, что у тебя не будет больше брата, а у меня будет. Хотя я и не знаю, как сделать, чтобы он родился.

Иногда я думаю, ты тоже ушел туда, где теперь моя бабушка. Что, если она теперь вместе с великаном, который жил в ее черешне? Вдруг ты можешь с ней говорить? Передай ей, пожалуйста, что я очень жду от нее хоть какого-то знака. Потому что, если знака не будет, я не смогу верить, что вы с бабушкой хотите мне помочь.

Козимо, ты же сможешь ей передать, правда?

7. Играть с мальчишками в футбол

– Что тебя?

Теперь Эстелла хорошо говорит по-итальянски, но иногда все-таки ошибается. Она смотрит на меня из будки охраны, установленной на входе в школу, и ее глаза меня немного пугают.

– Ничего. А что?

– У тебя такое лицо, как будто ты кота похоронила.

– Нет, с Оттимо Туркаретом все хорошо.

Эстелла не очень любит Оттимо Туркарета. Она уверена: когда кот приходит к школе меня встречать, он писает на грядках, где мы выращиваем разные культуры для проектов по биологии.

Хоть Эстелле и не нравится мой кот, она хорошо меня знает и сразу понимает: со мной что-то не так. У нее тоже есть третий глаз.

– Расскажешь, что случилось?

Я захожу в будку, сажусь в кресло и начинаю отталкиваться ногами от пола, чтобы раскрутиться – кресло у Эстеллы крутится.

– Да ничего. Просто от меня одни проблемы.

Эстелла сгоняет меня и садится сама. Порывшись в тумбочке, она находит чипсы, которые забрала у детей, протягивает мне пакетик, и мы вместе хрустим вкусными ломтиками.

– От тебя куча проблем? Такой уж ты родилась, Мафальда!

– Нет, – говорю я, на минуту прекращая хрустеть чипсами и глядя себе под ноги, – это просто потому, что я плохо вижу.

Эстелла протягивает мне чипс:

– Сколько ломтиков?

– Один.

– Ну вот, все ты видишь.

От этих слов я готова вот-вот расплакаться. От злости выбрасываю оставшиеся чипсы в мусорную корзину.

– Кому какое дело, сколько там чипсов! Я хочу играть в футбол! Хочу видеть мяч, а не чипсы!

– А я хочу полететь на Луну. Прямо завтра.

Когда Эстелла так говорит, мне хочется ее стукнуть. Но потом она улыбается ярко-розовыми губами, и меня тут же тянет рассмеяться, потому что я уже представляю, как завтра явлюсь в школу – а ее нет, а потом мне придет эсэмэска от Эстеллы, что она уже на Луне.

– Мафальда, а знаешь, видеть не так уж важно, – говорит Эстелла и тоже откладывает чипсы.

– Как это? Важно видеть мяч, когда он летит в ворота. Я очень хочу играть в футбол, а для этого надо видеть.

– А тебе так уж важно играть в футбол?

– Да. Очень.

– Так важно, что если ты не сможешь играть, то умрешь?

Над этими словами я надолго задумываюсь.

– Ну, наверно, не настолько.

– Значит, это не так уж существенно.

Эстелла выбрасывает пустой пакетик.

– Что такое «существенно»?

Эстелла вытирает губы салфеткой, берет сумку и достает небольшую книжечку. Листает ее, подзывает меня жестом, быстро открывает и тут же закрывает книжку. Я стою рядом и пытаюсь что-нибудь разглядеть, но не успеваю. Буквы для меня слишком мелкие, они похожи на крошечных муравьев, которые разбегаются в разные стороны и не хотят, чтобы я что-то разглядела.

– Что это?

Эстелла начинает читать:

«Прощай, – сказал Лис. – Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь».

– Маленький принц!

– Точно. Ты ведь не смогла прочесть буквы, но сразу поняла, о ком эта книга.

– Но при чем тут это? Я же не знаю, что такое «существенно».

– Знаешь, что было самое главное, самое существенное для Маленького принца?

– Наверное, Роза.

– А он ее видел?

– Нет, она осталась на его планете.

Мы сидим и молчим. Я жду, когда Эстелла объяснит мне, что она хочет сказать. Но она ничего не говорит. Она встает, кладет руки мне на плечи и говорит:

– Тебе нужно найти такую Розу, Мафальда. Найти самое главное, самое существенное. То, что очень для тебя важно и что не нужно видеть глазами.

Она разворачивает меня в сторону коридора и подталкивает к двери. А потом закрывает ее за мной. Я слышу, как она напевает за стеклянной дверью. И тут я понимаю, что мне нужно бежать и что я сильно опоздала на урок религиозного воспитания, на котором всегда ужасно скучно. Спасибо, Эстелла.

Когда я добегаю до самого конца коридора, я слышу, как сзади открывается дверь и Эстелла кричит:

– И никогда не выбрасывай еду. В следующий раз будешь все собирать из корзины и отнесешь домой!

Мне нужно придумать что-то такое, для чего глаза не нужны и что для меня очень важно. Я лежу на кровати с тетрадкой, а в ногах свернулся теплый Оттимо Туркарет. Как же это сложно! Глаза нужны почти для всего на свете. Ну почему такое должно было случиться именно со мной?

Я смотрю на последнюю запись: Играть с мальчишками в футбол, бросаю тетрадь под кровать и выключаю свет.

Утром листва черешни немного похожа на мамину прическу: коричневое облако листьев с желтыми крапинками напомнило мне ее волосы. Раз, два, три... тридцать, сорок, шестьдесят...

Сто двадцать.

От меня до черешни сегодня шестьдесят метров.

Пятьдесят метров

8. Не оставаться одной

Я очень хорошо играю в жмурки. В Италии жмурки называют еще «слепая муха». Но мне не нравится слово «слепая», поэтому я так не говорю. Ведь ты слепнешь не навсегда – просто тебе повязывают шарф на время игры. Было бы здорово, если бы все, что со мной происходит, оказалось просто игрой: проснешься, снимешь шарф – и снова все видишь, как раньше.

Мои одноклассники не любят играть со мной в жмурки. Они думают, я жульничаю, потому что я легко могу поймать их с завязанными глазами. На самом деле у меня есть одна хитрость: я останавливаюсь и прислушиваюсь. Стоит кому-то пошевелиться – и я это слышу, нужно просто идти на шум. Через несколько конов на меня начинают злиться; говорят, я подсматриваю, или предлагают поиграть во что-то другое. Например, в карты «Жемчуг Дракона», и тут уж я не могу сжульничать, даже если захочу, потому что все равно ничего не разгляжу. Поэтому сейчас я играю во дворе одна.

Мама оставляет меня без присмотра, когда моется, но я должна быть дома до того, как она выйдет из ванной. Мама очень быстро принимает душ и не сушит волосы, чтобы быстрее выйти и снова присматривать за мной, так что я могу играть во дворе не больше десяти минут.

Сегодня я взяла мамин зимний шарф. Он черный и плотный, поэтому я даже при всем желании не смогу ничего разглядеть. Я повязала его вокруг головы. Теперь нужно дойти до сарая, где хранится садовый инвентарь. Задача – не упасть и не вытягивать руки, как зомби. Не знаю, зачем я это делаю, но мне хочется попробовать ходить в темноте.

Сначала это страшно, и в первые несколько раз я тут же срывала шарф через пару шагов. Но сейчас я уже привыкла и спокойно двигаюсь в сторону сарая. Это очень странное чувство, когда идешь в темноте: как будто медленно плывешь сквозь гущу темных листьев и ветви деревьев цепляются за тебя, но не грубо, чтобы не порвать футболку.

И вот так ты идешь и немного боишься, но в то же время ты уверена, что все хорошо, словно ты не одна и кто-то присматривает за тобой сверху, но точно не мама с балкона.

Бабушка говорила: пока не попробуешь, не поймешь. Так что я пробую. Я касаюсь пальцами кустов гортензий, высаженных вдоль ограды двора, – так я точно знаю, что не уйду, куда не надо. Когда идешь с закрытыми глазами, думаешь, что идешь прямо, но на самом деле двигаешься совсем не туда, куда шел.

Через несколько шагов у меня под ногами оказывается что-то пушистое и гладкое. Я останавливаюсь. Это Оттимо Туркарет, и теперь придется подождать, чтобы на него не наступить, зато пока можно его погладить.

Я беру кота на руки и продолжаю идти вперед, слушая, как он мурлычет у меня на груди. Он такой теплый и тяжелый. Если бы мой кот не был такого необычного цвета, я бы сказала, что только рыжие коты бывают такими огромными и толстыми. Рыжие всегда толще и крупнее других котов. Интересно, почему?

Интересно, а как различать цвета, если я окажусь в темноте? Эта мысль приходит совсем неожиданно. Надо спросить у мамы или у папы.

Моя нога упирается в деревянную изгородь, и я останавливаюсь. Теперь нужно развернуться и идти обратно. И тут я слышу звонок велосипеда, а затем и звук тормозов совсем рядом со мной. Наверное, кто-то остановился на парковке у нашего дома.

– Привет.

Я стаскиваю с себя шарф. При свете дня у меня в глазах начинает рябить, но я сразу надеваю очки и вижу Филиппо. Он приехал на велосипеде, женском, вроде тех, на которых ездят за покупками, только корзины нет. Филиппо стоит, широко расставив ноги и уперев в бока сжатые кулаки, чтобы не упасть. Наверное, он взял велосипед у мамы или у старшей сестры. С тех пор как мы виделись, прошел уже целый месяц и сильно похолодало, но на нем все та же голубая куртка, в которой он играл в начале ноября. Наверное, ему очень нравится, что на куртке написано его имя. Так все узнают его издалека.

Надо скорее идти домой: лучше с ним не разговаривать. Он же драчун, может и ударить, хотя я, конечно, буду защищаться. Я прижимаю к себе Оттимо Туркарета. Не думаю, что он сможет меня защитить. Это собаки защищают хозяев. А коты, как говорит папа, оппортунисты. Он даже с черешни слезть не может.

– Не знаешь, почему коты не могут слезть с черешни? – вырывается у меня внезапно.

Бабушка всегда говорила, что глупых вопросов не бывает, но я чувствую себя очень глупо.

– Чего?!

Филиппо упирается руками в руль и нажимает на тормоза. Кажется, мой вопрос его очень удивил.

– Ничего.

– Ты здесь живешь?

– Ты даже не знаешь, кто я.

– Я тебя помню. Ты играла в футбол.

– Меня зовут Мафальда.

– А меня – Филиппо.

– Я и так знаю, – отвечаю я и опускаю Оттимо Туркарета на землю.

Филиппо наклоняется через велосипед и запускает руку меж досок забора, чтобы погладить кота. Я немного напрягаюсь, потому что боюсь, как бы он его не обидел. Но Филиппо просто почесывает его за ушком, и кажется, что Оттимо Туркарет даже доволен.

– Как его зовут?

– Оттимо Туркарет.

– У него что, и фамилия есть?

– Нет. Это двойное имя. Из книжки.

– А-а... И что это за книжка?

– Ты такую не знаешь. Она взрослая. Это папина любимая.

– Мой папа тоже любит читать. Раньше он всегда читал мне перед сном.

– Мой тоже читает.

Я не осмеливаюсь спросить, почему он сказал «читал». Может быть, родители Филиппо развелись, и папа с ним больше не живет? Обычно, если у кого-то развелись родители, то лучше ничего не спрашивать, а то человек разозлится. Так что я просто молчу.

– Ну так что за книга?

– Какая книга?

– Которую так любит твой папа.

Мне совсем не хочется отвечать, но Филиппо сжал кулаки, так что стало даже немного страшно. Приходится ответить.

– «Барон на дереве».

– И ты ее всю прочитала?

Не понимаю, почему его это так интересует.

– Ну да. Мне папа прочел.

– Так, значит, ты не сама прочитала.

– Это одно и то же.

Филиппо кладет локти на руль и нагибается:

– Тебе читает папа, потому что ты слепая?

Я чувствую, как краснею до самых ушей.

– Я не слепая!

Я хочу взять на руки Оттимо Туркарета, чтобы пойти домой, но он выскальзывает у меня из рук, и у меня не сразу получается его нащупать.

– Но ты ведь почти не видишь, да?

Я ничего не отвечаю и продолжаю шарить рукой по земле в поисках шарфа, но пальцы чувствуют только холодную сухую траву. Придется просто уйти. Я поворачиваю к дому. Филиппо поступил некрасиво – я-то ведь ничего не спросила про его разведенных родителей! Сзади слышится шум колес и велосипедной цепи, грохот падающего велосипеда и звук торопливых шагов.

– Уходи! – кричу я, продолжая идти вперед.

– Держи!

Когда кто-то говорит «держи», это обычно означает, что тебе что-то дают, поэтому я протягиваю руку в туман и нащупываю теплую ткань. Мамин шарф.

– Мафальда! – обеспокоенно кричит мама из окна.

Наверное, она уже давно вышла из ванной. Я инстинктивно хочу бежать к двери, но вдруг вспоминаю, что если кто-то подобрал что-то для тебя, потому что ты не

можешь это найти, и к тому же чужую вещь, которую ты перед этим взяла без спроса, то нужно сказать «спасибо». Я останавливаюсь посреди дорожки, но вижу только голубое пятно, уменьшающееся с каждой секундой. Мне не хочется кричать, к тому же мама сверху все видит.

– Мафальда! Домой! – кричит мама, и я возвращаюсь к дому.

За секунду до того, как дверь закроется, я слышу веселое треньканье звонка велосипеда, которое продолжает звучать в моей голове даже тогда, когда его уже невозможно расслышать, и я могу только догадываться, куда же отправился его счастливый и свободный обладатель.

Мне хочется окликнуть его и попросить прокатить меня на багажнике: я так давно не каталась на велосипеде, да и не бегала со всех ног тоже. А вот Филиппо свободен: у него отличные очки, и он может ехать куда угодно. Мне же суждено отбывать наказание, как заключенной, только моя решетка не из железа. А из серого тумана, и в моей камере нет никого, кроме меня.

Я вхожу в свою комнату, не снимая куртки, заваливаюсь на кровать и открываю тетрадь. Я открываю ее на второй странице, где написано самое важное, и зачеркиваю строчку: Не быть одинокой.

Сегодня утром на моей парте появилась сложенная вчетверо записка. Когда я ее заметила, мне показалось, это гигантский мотылек, но, хорошо поразмыслив, я поняла, что такое просто невозможно. Для бабочек в декабре слишком холодно – они разлетелись или попрятались, а может быть, стали частью деревьев, как моя бабушка и великан из черешни.

Я никогда не получала записок. Стоит только нашей учительнице повернуться к доске, как все тут же начинают передавать записки. Уж не знаю, что такое важное им нужно сказать друг другу. Мне записок никто не передает. Я сижу на первой парте, потому что плохо вижу, и если сесть дальше, то совсем ничего не разгляжу и не пойму, что задано на дом. Но хоть мне и не передают записок, я слышу, как они шуршат у меня за спиной, и иногда скомканная бумажка попадает мне в спину и падает на пол.

Однажды я наклонилась, чтобы поднять такую, но учительница это заметила и накричала на меня, потому что подумала, это я пишу и передаю записки. Все остальные зашипели на меня, так что после этого случая я решила не обращать внимания на эти бумажки.

Но сегодняшняя записка точно для меня. Она лежала на моей парте, как раскрывшая крылья бабочка.

На перемене я побежала в туалет – прочесть записку: не хотела, чтобы мои одноклассники видели, как я ее читаю. Стыдно, если они увидят: ведь это очень личное.

Чтобы прочесть даже очень крупные буквы, мне нужно поднести листок к самому лицу, как делают старушки в супермаркете, которые не могут разглядеть срок годности масла. Но я-то еще не старушка!

Папа купил мне лупу и сказал, что я теперь как Шерлокхолмс. Это такой сыщик из книжки, про него даже фильм есть. Но я стесняюсь доставать лупу, когда на меня смотрят. Поэтому я заперлась в женском туалете и достала из кармана записку и лупу. На листке было написано: Ты краснеешь, когда тебе задают вопрос. Ты моя принцесса. Нет, моя баронесса.

9. Ходить по бордюру и думать, что если упадешь – утонешь в лаве и тебя сожрут крокодилы

Зимой черешня в школьном дворе совсем некрасивая. Сухие листья разлетаются, как бабочки, а великан, живущий в стволе, прячет цветочки внутри, чтобы укрываться розовым одеялом. Без листьев я почти не могу разглядеть черешню издалека.

К счастью, я слышу, как свистит Эстелла, и поэтому понимаю: я почти пришла, хотя знаю, что папа все равно об этом и так мне скажет. Сначала я была

слишком маленькой, чтобы ходить в школу без папы, а теперь из-за тумана в глазах меня вообще никуда не отпускают без взрослых. Если бы Оттимо Туркарет был собачкой, вроде таксы Козимо (на самом деле такса была не его, а Виолы), то он мог бы стать моим поводырем.

Надо попробовать выдрессировать его, правда, он не слишком умный. Но я все равно его очень люблю, и, кроме того, он всегда ждет меня у школы. Только у меня есть такой кот! Когда звенит звонок, мы все должны выстроиться в колонну по двое и держаться за руки, но мой класс разбегается врассыпную, так что учительница не успевает углядеть, всех ли разобрали родители и кто с кем ушел.

Эстелла обычно провожает меня до самой калитки: мои родители просили не отпускать меня одну. Но сегодня ее почему-то нет на месте.

Я заглядываю в будку и спрашиваю, где она. В будке сидит наш старый лохматый охранник в вечно перепачканной томатным соусом футболке и говорит, что Эстелла взяла выходной – провериться. Как именно она собралась проверяться, он ответить не смог. И даже не спросил, проводить ли меня до калитки.

Этот охранник вечно сидит в будке и варит кофе, на детей ему плевать. Разве что кто-то разобьет коленку. Тогда он протирает ранку спиртом и приклеивает пластырь, отчего становится только больнее.

Я выхожу за ворота и сразу останавливаюсь. Мама и папа хотят, чтобы я ждала их около ворот. Иногда они немного опаздывают, потому что работают в соседнем городке и, чтобы успеть за мной в школу, им нужно гнать на полной скорости.

У школы никого нет. Школьный автобус уехал, другие дети разошлись вместе с родителями. Мимо меня проносятся несколько ребят на велосипедах, и мне кажется, что среди всеобщего гама я слышу знакомое треньканье звонка. От разноцветного движущегося пятна отделяется пятнышко поменьше, и я узнаю звук тормозов и голубую куртку.

– Привет.

– Привет.

– Родителей ждешь?

Как обычно, я чувствую теплое прикосновение мягкого друга, трущегося о мои ноги, нагибаюсь и беру на руки Оттимо Туркарета. Не знаю почему, недолго думая, я поворачиваю к дому.

– Вообще-то, нет, я ждала кота.

Филиппо гладит Оттимо Туркарета по голове, но я прохожу мимо и ускоряю шаг, так что он скоро остается позади.

Мама ужасно разозлится, не найдя меня у ворот, и, наверное, решит, что меня похитили, но я иду вперед как ни в чем не бывало. Пусть Филиппо думает, что я каждый день хожу домой одна. Так что я стараюсь делать вид, что все как обычно, и держаться спокойно. Если я не успею дойти до дома, прежде чем появятся мама или папа, как глупо я буду выглядеть в его глазах! Так что вместо того, чтобы идти по прямой, я сразу поворачиваю направо и иду до следующего поворота. Позади меня снова слышится скрип велосипеда.

– Зачем ты так идешь? – спрашивает он, медленно крутя педали.

Я и забыла, что он прекрасно знает, где я живу.

– По-моему, ты сейчас потеряешься. Давай провожу.

– Спасибо, не надо.

Не понимаю, зачем он меня преследует. Может, хочет кота отобрать? Кажется, ему очень понравился Оттимо Туркарет. Надо вернуться на дорогу и как-то отвязаться от Филиппо. Но я отвлеклась и уже не помню, куда надо свернуть. Я стараюсь прочесть указатель, но вместо букв на табличке расползаются малюсенькие муравьи. Филиппо все еще едет за мной.

– Я же говорил, потеряешься. Давай подвезу.

– Не надо.

– Ты что, не хочешь домой?

– Нет, я хочу прогуляться.

Тут мне приходит в голову странная игра. Я встаю на бордюр и медленно иду вперед. Филиппо следует за мной.

– Ты чего? Что это ты делаешь?

– Играю.

– Во что?

– В этой игре нужно идти вперед по одной линии. Если оступишься, то упадешь в лаву и тебя сожрут крокодилы.

– Какие же в лаве крокодилы? Они там не выживут!

– Ну и что. Это же не настоящая лава. Но если упадешь – проиграешь.

– И сколько надо так идти?

– Не знаю. Сколько сможешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/peretti_paola/rasstoyanie-mezhdu-mnoy-i-chereshnevym-derevom

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)